

За столом принято было хранить молчание, особенно в присутствии посторонних. Для Цзи Су и Цзи Вэйцю посторонним был канцлер Гу. Для канцлера Гу и Цзи Су посторонним был Цзи Вэйцю.

Цзи Вэйцю и впрямь проголодался, поэтому, уткнувшись в тарелку, он с жадностью поглощал еду, безмерно радуясь, что и брат, и канцлер хранят молчание. По идее, слушать о придворных интригах за обедом было бы весьма занимательно, но когда рассказчики изъясняются одними загадками, кусок в горло не лезет.

Цзи Су и канцлер Гу, словно сговорившись, наблюдали за Цзи Вэйцю. Император думал о том, что императорский лекарь Ху — настоящий мастер. Ещё несколько дней назад юноша жаловался на отсутствие аппетита, с тоской глядя на изысканные яства, от которых ему становилось дурно после пары укусов, а сегодня, казалось, от недуга не осталось и следа.

Канцлер Гу редко видел Цзи Вэйцю, потому и не сразу узнал его при встрече у входа во дворец. Дело было не в том, что он не помнил его лица, — просто он никак не ожидал увидеть его здесь.

Их жизненные пути почти не пересекались. Цзи Вэйцю не посещал утренние приёмы, не участвовал в советах, а во дворце направлялся напрямиком в Дворец Милосердного Спокойствия. Канцлер же вращался исключительно в делах внешнего двора, и встретиться им было почти невозможно.

Гу с интересом разглядывал юношу, отмечая его отменный аппетит. Молодость, что и говорить, — прекрасное время, которому он мог лишь позавидовать. Глядя, как увлечённо ест князь, канцлер и сам незаметно съел на пару ложек больше обычного.

Медленно потягивая суп из семян лотоса, он размышлял, почему князь Жуй здесь. Весь двор был уверен, что тот отправился в Цзяннань молиться о здоровье вдовствующей императрицы, а он, оказывается, тихо сидит в Дворце Ясного Покоя... Он только что вернулся или вовсе не покидал столицу?

Какой бы ни была правда, донесения о покушениях и отравлениях, что одно за другим поступали в столицу, обретали теперь весьма занятный смысл. И в любом случае... этот князь, известный своим распутным нравом, пользовался безграничной милостью Государя.

Канцлер Гу едва заметно улыбнулся — улыбкой ясной, как лунный свет.

К этому времени Цзи Вэйцю уже почти насытился. Он поднял глаза на Цзи Су и, увидев, что брат ещё ест, знаком велел Сяо Чжо подать ему чашу с супом. Он лениво черпал ложкой, почти не поднося её ко рту. Какая досада, он слишком быстро и много съел, теперь суп просто не лезет! Живот полон!

Он заставил себя проглотить ещё пару ложек, но больше не мог. Украдкой взглянув на брата, он увидел, что тот всё ещё неторопливо ест. Цзи Вэйцю, зажав нос, влил в себя ещё немного супа, превратив простое принятие пищи в подобие чайной церемонии, и снова покосился на Цзи Су. В этот самый момент император поднял голову, и их взгляды встретились.

Цзи Вэйцю тут же опустил голову, но, сообразив, что это выглядит подозрительно, снова поднял лицо и выдавил улыбку. Цзи Су отложил палочки. Цзи Вэйцю немедленно последовал его примеру, отставив злополучную ложку. Ему казалось, что если он сейчас качнётся, то услышит, как плещется вода в животе. Он торопливо откланялся.

— Благодарю брата-императора за угощение. Ваш младший брат откланивается, — произнёс Цзи Вэйцю.

Обычно в таких случаях брат кивал, и он мог уходить. Но на этот раз Цзи Су спросил:

— Куда ты?

— Слишком много съел, — выпалил Цзи Вэйцю, не подумав. — Пойду вздремну.

Цзи Су равнодушно кивнул и махнул рукой, отпуская его. Цзи Вэйцю поспешно поклонился и широкими шагами направился к выходу. Когда он скрылся за дверью, канцлер Гу с улыбкой покачал головой:

— Князь и впрямь вызывает зависть.

Цзи Су, вытирая руки шёлковым платком, ответил:

— Если канцлер так завидует, почему бы не подать в отставку?

— Старый конь в стойле, а помышляет о тысяче ли, — возразил Гу. — Ваше Величество, позвольте старому слуге ещё несколько лет послужить вам верой и правдой!

Что они говорили дальше, Цзи Вэйцю уже не слышал, да и не хотел. Он сделал пару кругов по саду, чтобы улеглась еда, и действительно вернулся в боковой покой, чтобы отдохнуть. На этот раз Сяо Чжо подождал около получаса, прежде чем разбудить его. Цзи Вэйцю, обняв одеяло, посидел немного, приходя в себя, и лишь потом, накинув халат, встал с постели.

Сяо Чжо принёс сменную одежду. Цзи Вэйцю подумал, что жить с братом было бы неплохо, если бы не одно «но»: приходилось переодеваться по меньшей мере трижды в день. Одежда показалась ему знакомой. Он взял один из халатов.

— Мне кажется, у моего брата-императора есть почти такой же.

— Докладываю Вашему Высочеству, — смиренно ответил Сяо Чжо, — вы остановились во дворце инкогнито, чтобы не привлекать лишнего внимания. Учитель сказал, что в юности вы с Государем были схожего телосложения, поэтому он велел открыть хранилище и принести старую одежду Его Величества.

— Вот оно что, — раз это принёс гунгун Цинси, значит, брат был не против. К тому же, это была повседневная одежда, не нарушавшая никаких правил этикета, поэтому Цзи Вэйцю без возражений переоделся.

После обеда снова настало время разбирать доклады. Время словно пожирала собака: только опустишь голову, а когда поднимешь — яркий дневной свет уже сменился золотистым сумраком. Цзи Вэйцю зевнул. Сяо Чжо подошёл и тихо предложил:

— Ваше Высочество, позвольте, я разомну вам шею.

— Не нужно, — Цзи Вэйцю пару раз стукнул себя по затекшей шее. Он примерно понял, как поступить с Цянь Чживэем, и хотел сверить свои мысли с мнением брата. — Канцлер Гу ушёл?

— Отвечаю Вашему Высочеству, господин канцлер ещё не уехал, — Сяо Чжо помедлил и добавил: — Сказал, что есть неотложные военные дела.

Военные дела?

У Цзи Вэйцю на ум пришло только одно: лже-князь снова что-то затевает. Ведь именно это событие в книге определило всю дальнейшую судьбу «князя Жуя». Он хотел было разузнать подробности, но здравый смысл подсказывал, что не стоит.

Очнись, дурак! Твой брат сжалился и вернул тебя, не лезь снова на рожон! Вспомни о яде, который тебе подсыпали! Вспомни о предателе среди Лазурной Гвардии! Сиди тихо во дворце под защитой брата, ничего не делай, и когда он со всем разберётся, снова сможешь гулять на свободе!

Все эти придворные интриги, политическая борьба — слушай и развлекайся, но не вмешивайся! Ты что, бессмертный? Не успеешь оглянуться, как окажешься в могиле!

Цзи Вэйцю счёл эти доводы разумными. Пусть брат и канцлер Гу занимаются своими делами. Подумав, он велел слугам снова устроить в зале игру. Сегодня это были не «злой император и его наложница», а простое метание колец.

Бамбуковых колец во дворце было в избытке. Он велел принести немного, расставил по всему залу драгоценные вазы и безделушки и принялся сам бросать и сам собирать кольца, находя в этом особое удовольствие.

Сяо Чжо некоторое время наблюдал за ним. Цзи Вэйцю попадал почти каждым кольцом, и у юного евнуха зачесались руки. Он был ещё молод и не умел скрывать свои чувства так, как гунгун Цинси. Цзи Вэйцю заметил это и, усмехнувшись, сунул ему в руки кольца.

— Попробуй!

— Слушаюсь! — радостно ответил Сяо Чжо. Раз сам князь велел, ему ничего не будет. Сжимая в руках охапку колец, он с энтузиазмом принялся за дело, но скоро понял, что это не так-то просто. Кольца были слишком лёгкими, они словно парили в руке, и придать им нужное направление было почти невозможно, не говоря уже о том, чтобы попасть в цель.

— Кольцо нужно бросать по горизонтали, — Цзи Вэйцю присел отдохнуть и, попивая чай, давал указания. — Не пытайся бросить высоко, главное — чтобы летело ровно, тогда оно полетит дальше... Впрочем, что тут говорить, потренируйся, и сам поймёшь.

Сяо Чжо послушно кивал. Он израсходовал все кольца, но так ни разу и не попал. С унылым видом он посмотрел на Цзи Вэйцю. Тот, закинув ногу на ногу, свысока бросил:

— Что на меня смотришь? Собирай давай... С такими навыками тебе на ночной рынок нельзя, разоришься вмиг.

Сяо Чжо с детства жил во дворце и никогда не бывал на ночном рынке. Он лишь с улыбкой кивнул, но его молчание, напротив, пробудило интерес в самом Цзи Вэйцю.

В месяце было три декады. В первый день каждой из них комендантский час отменялся, и в Яньцзине устраивали ночной рынок, куда стекались и стар и млад. Сегодня как раз было одиннадцатое число.

Цзи Вэйцю уже два года жил за пределами дворца. Первые полгода он с удовольствием ходил на ночной рынок, но потом это ему наскучило — развлечения были одни и те же. Но теперь, живя во дворце, он вдруг почувствовал непреодолимое желание туда отправиться.

Как говорится, что имеем — не храним, потерявши — плачем.

Но можно ли ему? Улизнуть тайком — самоубийство. Его положение было слишком щекотливым. «Князь Жуй» всё ещё был в Цзяннани. Если его поймают, брат не сможет открыто послать за ним людей. А если спросить разрешения... разве брат согласится?

Цзи Вэйцю взял у Сяо Чжо кольца и одним движением разбросал их по залу. Они посыпались дождём, и восемь или девять из десяти попали в цель. Сяо Чжо не успел и рта раскрыть от удивления, как Цзи Вэйцю уже вышел из комнаты. По счастливой случайности он увидел удаляющуюся спину канцлера Гу.

В его голове мелькнула мысль, и он направился в главный зал.

Цзи Су выглядел таким же спокойным и расслабленным, как и днём, словно он не обсуждал несколько часов военные тайны, а играл с канцлером в карты.

Увидев Цзи Вэйцю, он понял, что тот пришёл с какой-то просьбой, и молча ждал. Цзи Вэйцю поклонился и спросил:

— Брат-император, я могу покинуть дворец?

Цзи Су едва заметно повёл бровью. Он только подумал, что этот юноша хоть и кажется ветреным, но весьма осведомлён, как услышал продолжение:

— Сегодня ночной рынок, а мне немного скучно. Хотел бы прогуляться. Прошу разрешения брата-императора.

— Такие мелочи, и князь Жуй просит разрешения у меня? — ровным голосом произнёс Цзи Су.

Цзи Вэйцю не понял, чем расстроил брата, но то, что тот был недоволен, было очевидно. Впрочем, он и сам понимал, что его просьба была несколько чрезмерной, и смиренно ответил:

— Не смею не спросить разрешения у брата-императора.

Он не осмеливался смотреть по сторонам и, опустив голову, видел лишь руку брата, что свободно лежала на столешнице. Эта рука была похожа на ветку магнолии за его окном ранней весной — единственную, что цвела наперекор холодам, одинокая, гордая, но при этом невыразимо прекрасная.

Он невольно вспомнил, как днём держал эту руку. Она и впрямь была как бамбук, как нефрит, очень приятная на ощупь...

Как только его брат ухаживает за руками? Ему тридцать лет, он не только занимается боевыми искусствами, но и искусно владеет мечом. Как ему удаётся сохранять руки без единой мозоли? Удивительно. Неужели он каждый день пользуется кремом?

Цзи Вэйцю подумал, что это вполне возможно. Его брат — страшный чистюля. Наверняка, прежде чем взять в руки оружие, он его протирает, а после — несколько раз моет руки. А если случается что-то ещё — моет снова. При такой частоте без крема не обойтись, иначе кожа потрескается.

Вполне логично!

Мысли Цзи Вэйцю унеслись в сторону, но он тут же опомнился: зачем он думает о руках брата?!

Неизвестно почему, но в голосе Цзи Су послышались странные нотки.

— Так сильно хочешь пойти?

Цзи Вэйцю кивнул.

— Очень.

Но если нельзя, то и не надо... Он уже собирался отказаться от этой затеи, как вдруг услышал слова брата:

— Тогда пойдёшь со мной.

<http://bllate.org/book/16115/1586853>